

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ РОССИЙСКОГО, КАЗАХСТАНСКОГО И ГЕРМАНСКОГО ОБЩЕСТВ

ВИКТОР КРИГЕР

Доктор PhD, научный сотрудник Института восточно-европейской истории
Гейдельбергского университета (г. Гейдельберг, Германия)

Толчком к написанию данной краткой статьи послужил опыт общения со студентами университета г. Гейдельберг, где я несколько лет вел семинарий по истории и культуре немецкого меньшинства в Российской империи и в бывшем СССР. На первом занятии я всегда задавал студентам следующий вопрос: для чего нужна история вообще, почему ее необходимо знать и изучать? Как правило, сразу же следовал ответ, что изучение истории помогает лучше понять причины тех или иных национальных катастроф, что память о прошлом является одним из основных гарантов того, чтобы в будущем исключить повторение имевших место негативных событий и явлений минувших лет и эпох. Дополнительно указывалось на то, что знание истории позволяет лучше понимать настоящее и предполагаемое развитие в будущем, ибо любые общественно-политические процессы, происходящие в мире, имеют корни в прошлом, имеют свою предысторию. Вышеуказанные причины и мотивы назывались чаще всего; кроме того, подчеркивалась общекультурная роль исторического знания. Такое предостерегающе-познавательное отношение господствует в Германии, прежде всего, применительно к собственному прошлому, к истории немецкого народа.

Однако при подобном охранительно-утилитарном подходе отходит на второй план одна из важнейших функций исторического опыта любой социально-этнической общности, будь то клан, племя, народность или нация: быть основой их устойчивого развития. Значение коллективной памяти о деяниях прошлых лет состоит не только в подчеркивании неразрывной связи поколений; прежде всего она призвана служить источником уверенности в себе, примером для подражания и выработки оптимистического взгляда в будущее. Родители и прародители, предыдущие поколения жили в неблагоприятных политических, экономических или природно-климатических условиях, подвергались многочисленным испытаниям (нападению внешних врагов, внутренним распрям, конфессиональным расколам и т. д.). Но рано или поздно они, неважно кто конкретно: предки, социальные слои, государственные деятели, отдельные герои, военачальники, народ в целом находили выход из создавшегося положения, преодолевали многочисленные препятствия, достигая при этом определенных высот в материальной или духовной сферах. Историческое знание призвано укреплять веру в собственные силы и возможности, будь то на уровне семьи или нации: уж если в прежние времена, в гораздо более тяжелых материальных, бытовых, военнополитических и иных условиях, при ограниченных ресурсах, принимались адекватные решения, то и нынешнее поколение обязательно най-

дет подобающие ответы на вызовы современности, решит стоящие перед ним проблемы.

Гордость за деяния своих предков и убежденность, что они действовали в соответствии с общепринятыми нормами своего времени и дает тот фундамент, ту общественную спайку, так называемый «базовый рассказ» (Basiserzaelung), без чего невозможно поступательное, свободное и уверенное развитие любой социальной или национальной группы. Разумеется, позитивное историческое самосознание отнюдь не является синонимом инфантильного самодовольства и самолюбования, не означает отсутствие порой весьма острой критики тех или иных идей и действий своих предшественников.

В какой же мере история российских немцев может служить базой национального самосознания этой национальной группы? Подавляющее большинство их представителей являются потомками аграрно-ремесленнических переселенцев второй половины XVIII – первой половины XIX вв., включая незначительный процент горожан немецкого происхождения, появившихся в России в результате реформ императора Петра I; при этом прибалтийские немцы, т. н. остзейцы, рассматриваются в историографии как отдельная этнословная группа.

Несмотря на сравнительно «молодой» возраст, российские немцы обладают уникальным историческим опытом, отличающим их как от остальных бывших советских народов, так и в еще большей степени от коллективной памяти населения современной Германии. Базовыми, основными элементами их исторической памяти являются:

- *служение;*
- *репрессии;*
- *сопротивление,*

понимаемые в самом широком смысле этого слова.

СЛУЖЕНИЕ

Подавляющее большинство немецкоязычных выходцев из Западной Европы появились в России в результате официальных индивидуальных приглашений и разного рода правительственных, фактически царских манифестов. Это были отдельные специалисты, офицеры и ученые или же поселенцы, направляемые с целью колонизации, то есть заселения и хозяйственного освоения, в малообжитые регионы Нижней Волги и Причерноморья. Служение воспринималось европейцами не как принудительная повинность, а как форма общественно-правовых связей свободных людей, в нашем случае с государством (вассал-сюзерен), при котором каждая из сторон несет свои обязательства, а «вассал» имеет право сменить «сюзерена» по собственной инициативе, прежде всего тогда, когда последний нарушает условия заключенного индивидуального или группового «контракта». Так, уже в царское время с конца XIX в. предпринимались законодательные ограничения в области землепользования и землевладения, использования родного языка в обучении и пр., что весьма негативно воспринималось немецким населением и инициировало значительную эмиграционную волну в Северную и Южную Америку. Годы Первой мировой войны со взрывом германофобии и принятием указов о ликвидации земельной собственности «выходцев из враждебных государств» привели к потрясениям национальной общины и появлению серьезных сомнений в прочности

**Евгений
Петрович
Михаэлис
(1841-1913),
ссылный
народовец**

**Яков Геринг
(1932-1984),
председатель
одного из самых
прибыльных
хозяйств
республики,
колхоза
"30 лет
Казахской ССР"
Успенского
района
Павлодарской
области**

своего положения в России. Еще большими разочарованиями был наполнен, естественно, советский период. Тем не менее, пафос «служения» пронизывает всю историю немецкого меньшинства, вплоть до наших дней.

Если взять конкретно этническую территорию казахского народа, то здесь мы имеем массу примеров ответственной службы администраторов, военных, общественных деятелей и представителей интеллигенции немецкого происхождения, начиная с пер-

вых десятилетий XVIII в. и по сегодняшний день. Хрестоматийным примером служит деятельность, особенно с точки зрения межкультурных контактов, народника Евгения Михаэлиса, оказавшего значительное влияние на творческое становление Абая Кунанбаева или генерал-губернатора Густава Гасфорда, покровительствовавшего своему адъютанту Чокану Валиханову. Но прежде всего это касается сотен тысяч крестьян, позднее колхозников, рабочих и служащих, которые вначале добровольно, но особенно в 1941-1955 гг. большей частью принудительно оказавшихся на территории республики.

Несмотря на приниженный общественно-политический статус, немцы, тем не менее, добросовестно «служили» в различных сферах народного хозяйства бывшего СССР.

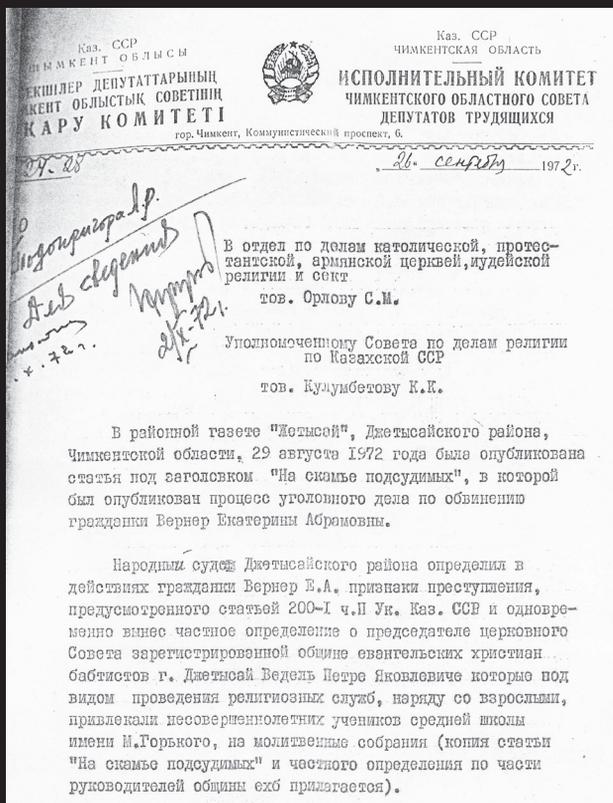
РЕПРЕССИИ

Захват власти большевиками означал односторонний отказ от каких-либо обязательств прежних правителей. Новая власть приступила к массовому отчуждению частной собственности в пользу государства, социализации земли, конфискациям церковной собственности и отличалась широким применением насилия в отношении различных слоев и групп населения. Немецкое меньшинство подверглось разнообразным репрессиям как по социально-классовым признакам, так и, начиная с середины 1930-х гг., все более и более по этническим критериям. Депортации, направления в лагеря принудительного труда и на спецпоселение, разнузданная германофобская пропаганда оставили глубокий след в исторической памяти российских немцев. Их гражданские права не были в полной мере восстановлены и после смерти Сталина. Среди народов бывшего СССР именно российские немцы подвергались наиболее всеохватывающим и продолжительным преследованиям; они служили объектом самых разнообразных форм национального притеснения.

Особенно стоит отметить тяжелое морально-психологическое давление на них как на представителей нации, развязавшей войну против Советского Союза. С теле- и киноэкранов, со страниц книг, газет и журналов, на официальных мероприятиях и многочисленных встречах с ветеранами войны, в личных контактах выкристаллизовывался в основном негативный образ Германии и немцев. Этот психологический дискомфорт усиливался вследствие информационной блокады в отношении истории и культуры «советских» немцев; их политическая реабилитация – здесь имеется в виду Указ

Тюремное фото Александра Гекмана (1908–1994), последнего главы правительства (председатель СНК) АССР немцев Поволжья в 1938–1941 г. После депортации Гекман был направлен на принудительные работы в Богословлаг НКВД СССР в Свердловской обл., где был в 1944 г. арестован и позднее осужден. Фотография предоставлена Государственным архивом административных органов Свердловской области, г. Екатеринбург.

Один из многочисленных типографских плакатов с именами расстрелянных и осужденных, которые развешивались для устрашения мобилизованных немцев в зоне лагеря принудительных работ Бакалстрой (с августа 1942 – Челябинметаллургострой) НКВД СССР. Документ из Объединенного государственного архива Челябинской области.

Письмо Уполном. совета по делам религии по Чимкентской области с информацией об уголовном осуждении Екатерины Абрамовны Вернер (1937). Е. Вернер, последовательница ев. христиан-баптистов и мать 8 детей, 15 августа 1972 г. народным судом Джетысайского района была осуждена на один год исправительных работ с отбыванием наказания по месту работы, за «превращение несовершеннолетних своих детей в последователей исповедуемого в общине вероучения». Источник: Центральный государственный архив Республики Казахстан, Алматы.

Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1964 г. и результаты пересмотров многочисленных судебных процессов в годы хрущевской либерализации – последовательно замалчивалась. Если до 1941 г., к примеру, о поволжских немцах на русском языке были изданы сотни популярных и научных книг, брошюр и статей, то за последующие 45 лет было разрешено опубликовать о них всего 1 (одну) статью в академическом сборнике трудов. Неудивительно, что именно на «своих» немцев советскими людьми перекладывалась часть вины за совершенные гитлеровской Германией преступления.

СОПРОТИВЛЕНИЕ

В ответ на перманентное государственное насилие и дискриминацию немецкое население отвечало восстаниями (1919-1922 гг.), волнениями в годы проведения коллективизации (1929-1932 гг.), но прежде всего стремлением покинуть страну Советов и приверженностью христианским ценностям. Этим немцы показали, что они не только объект, но и в не меньшей степени субъект исторических процессов, который способен самостоятельно определять свою судьбу.

Эрих Абель (1927-1977), активнее добивавшийся выезда на постоянное место жительства в ФРГ, был осужден 22 января 1974 г. в г. Караганде на 3 года заключения в исправительно-трудовой лагерь (ИТЛ)

В послевоенном Казахстане они представляли собой практически единственную национальную группу, оказавшую открытое политическое и духовное сопротивление авторитарному режиму и коммунистической идеологии в виде массового эмиграционного и религиозного движения. Демонстрации в гг. Караганде и Исыке в 1973 г., судебные процессы над эмигрантами и верующими в

Исыке, Алма-Ате, Актюбинске, Караганде и других местах в 1950-1980 гг., движение за восстановление незаконно ликвидированной Республики немцев Поволжья, правозащитные акции – способы выражения недовольства своим приниженным общественно-политическим положением, были самыми разнообразными. За стремление выехать в ФРГ, за жалобы в международные организации на дискриминацию немецкого населения, за распространение идей эмиграции среди соплеменников только в Алма-Атинской области в 1970-х гг. подверглись судебным преследованиям не менее 19 человек. Еще в 1984 г. в городе Исыке сотрудники КГБ выявили и изъяли у братьев Егора и Андрея Вольфов разобранный печатный станок и отпечатанную часть тиража Библии. Они были осуждены на 5 лет исправительно-трудовых лагерей как сотрудники подпольной типографии баптистов-инициативников.

В конечном счете, даже просто владение родным языком воспринималось партийно-советским и идеологическим аппаратом как вызов, как нежелание подчиниться предназначенной им судьбе народа без прошлого и без будущего, обреченного на полную ассимиляцию. Своими настойчивыми требованиями соблюдения религиозных, гражданских и национальных прав российские немцы внесли свой вклад в крушение советского неправового государства.

* * *

Три названные базовые составляющие коллективной памяти определяют уникальность исторического опыта российско-немецкого меньшинства и служат основой позитивной групповой идентичности. В не меньшей степени этот опыт необходимо учитывать теми странами, где проживают подавляющее большинство бывших «советских граждан немецкой националь-

ности» и их потомки. Только по теме «Сопротивление несвободе: немецкий след» имеется значительный, практически нетронутый пласт источников и материалов, хранящихся в государственных областных и центральных архивах, в ведомственных документохранилищах органов госбезопасности (быв. КГБ) и внутренних дел государств, входивших ранее в состав СССР. Речь идет об архивно-следственных делах на узников веры и политических заключенных, о материалах партийных органов, информации органов госбезопасности, о заключениях прокуратуры, докладах и статистике уполномоченных по делам религий и пр., которые содержат ценнейшие сведения по этому важнейшему аспекту национального самосознания.

К сожалению, исторический опыт немецкого меньшинства, проживающего ныне в основном в России, Казахстане и особенно в Германии, где насчитывается около 2,5 млн. граждан российско-немецкого происхождения, практически не находит отражения в коллективной памяти и национальной идентичности этих стран. Стоит надеяться, что приближающийся в 2014 г. 250-летний юбилей начала массовой иммиграции иностранных, прежде всего немецких, поселенцев, последовавших призыву Екатерины II и последующих царей обживать и культивировать просторы Российской империи, станет хорошим поводом для осмысления роли и места этих европейских выходцев в общественно-историческом сознании России, Казахстана и Германии.

Скромный мемориальный знак в память о немецких жертвах репрессий и войны, установленный в 2009 г. перед «Немецким домом», г. Алматы